

A black and white portrait of a young man with dark, wavy hair, wearing a dark flat cap and a textured sweater. He is holding a vintage-style camera up to his eye, looking directly at the viewer. The background is bright and out of focus.

Стрелец И.В.

СВЕТ
ТАМ,
ГДЕ ЕГО НЕТ

Санкт-Петербург, 2026

Игорь Стрелец

Свет там, где его нет...

«Автор»

2026

Стрелец И.

Свет там, где его нет... / И. Стрелец — «Автор», 2026

История ленинградского фотографа, который отправляется в путь через эпохи и страны - от распадающегося СССР через постсоветскую Россию, стерильную Германию и бурный Нью-Йорк к возвращению в преображённый Петербург. Его камера фиксирует «невидимых» людей, от которых отворачивается история, но главный поиск героя - не просто правда в кадре, а собственный свет среди тотальной тени. Роман о том, как искусство сталкивается с реальностью, а реальность оказывается сильнее любого объектива.

© Стрелец И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Игорь Стрелец

Свет там, где его нет...

Глава

СВЕТ ТАМ, ГДЕ ЕГО НЕТ.

Глава 1.

Фотограф и француженка.

Город стоял на воде, как всегда стоял — не вопреки бездне под собою, а благодаря ей. Город пах распадом и близкой переменой, и этот запах, неотличимый от запаха Невы в осенний шторм, въедался в камни фасадов, в штукатурку парадных, в само существо людей, выросших под небом, которое никогда не было по-настоящему высоким, но зато было своим.

В Ленинграде, в конце восьмидесятых, когда всё вокруг было либо серым, либо дефицитным, жил-был фотограф по имени Лёня. Лёня был человеком весёлым, но не потому, что жизнь его баловала, а потому, что иначе бы он просто не выжил. Лёня был из породы людей, наделённых особым зрением: способностью улавливать в случайном кадре что-то большее, нежели просто мгновение, — тот изломанный свет, что всегда прячется за видимым, как вода прячется за гранитом набережной. Он носил потёртый кожаный пиджак, который достался ему от дяди-архитектора вместе с привычкой смотреть на мир как на чертёж, требующий расшифровки, и вечно улыбался, даже когда у него не было ни копейки.

Лёня работал везде, где только можно: снимал свадьбы, похороны, демонстрации и случайных прохожих на Невском. В редакциях его любили за то, что он всегда приносил фотографии вовремя и никогда не спрашивал про гонорар. А если и спрашивал, то так шутливо, что обижаться было невозможно.

Однажды в середине мая, когда Ленинград на несколько дней всё же решался выпустить солнце из-за туч — как будто город проверял, не разрушит ли этот свет его особую, сырую атмосферу, — Леонид стоял у Гостиного двора. Он ловил в объектив туристов, влюблённых и старушек с авоськами. Все они были тенью на стекле. Все они были частью города.

Вдруг к нему подошла девушка. Она появилась оттуда, откуда в этом городе всегда появляется что-то чужеродное, — из ниоткуда, из-за угла, из другого воздуха, с веснушками и очень серьёзным лицом.

— Вы говорите по-французски? — спросила она с таким акцентом, что Лёня сразу понял: француженка.

— Я говорю по-фотографски, — ответил Лёня. — Это универсальный язык. Хотите портрет на фоне колонн?

Девушка засмеялась — смехом человека, которому впервые объяснили что-то очевидное на непонятном языке. Её звали Мари — имя, странно звучащее в этом городе, где каждый звук имел свой особый вес. Она была студенткой-филологом из Парижа, приехала в Ленинград изучать русский язык, намереваясь в дальнейшем продолжить стажировку в Смоленске.

— В Смоленске? — удивился Лёня. — Там же ничего нет, кроме крепостной стены и тоски.

— Тоска — это тоже интересно, — серьёзно сказала Мари. Наверное, в Смоленске тоска не декоративная, как здесь, а первобытная.

Они разговорились. Мари рассказала, что в Смоленске ей дали комнату в общежитии, где соседи по коридору каждый вечер пьют чай с водкой и обсуждают политику. Лёня рассказал, что у него есть друг в редакции «Смоленской правды», который иногда печатает его снимки.

— А вы женаты? — вдруг спросила Мари.

— Я женат на своей камере, — ответил Лёня. — Но она мне изменяет с каждым новым объективом.

Мари снова засмеялась. Через неделю они поженились. Не потому, что были влюблены, а потому, что так было проще: Мари нужен был статус, чтобы задержаться в России, а Лёне — повод съездить в Смоленск. Брак как деловое соглашение, как договор двух посторонних людей о временном союзе — это тоже было частью городского устройства, частью той негласной философии выживания, которую Ленинград вырабатывал в своих жителях веками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.